

ЮЛИЯ ЕЛЕНИНА

16+

ТУРГЕНЕВСКАЯ БАРЫШНЯ балзакковского возраста

Юлия Еленина

Тургеневская барышня бальзаковского возраста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67621838

SelfPub; 2022

Аннотация

Умники утверждают, что в современном мире любви нет, но я им не верю. Сами посудите, во что ещё верить одинокой учительнице русского языка и литературы, живущей в коммуналке и пишущей стихи? Так себе картинка, правда? Кстати, зовут меня Лолита Набокова. Только не смейтесь, хотя за свои 29 лет я готова к подобной реакции. А вот к чему я не готова, так это к тому, что привычный ход моей жизни нарушится, когда моя коллега сломает ногу. Мало того, что на меня навесили её часы и классное руководство, так теперь придётся разбираться не только с подростками, но и с их родителями. Хотя одного из них мне никак не удастся выловить. Командировки, видите ли! А о ребенке я должна думать?

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	16
ГЛАВА 3	30
ГЛАВА 4	41
ГЛАВА 5	58
ГЛАВА 6	63
ГЛАВА 7	71
ГЛАВА 8	77
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Юлия Еленина

Тургеневская барышня бальзаковского возраста

ГЛАВА 1

Дядя Коля получил пенсию. Я это поняла, ещё не дойдя до двери. Звуки гармошки разносились по подъезду, сопровождаемые уже нетрезвым пением. На "Катюше" сосед не фальшивил, а вот потом пойдет "Там, где клён шумит". А лиричное пение дяди Коли больше похоже на завывание кота в марте.

И это придется терпеть с неделю. Пока не пропьет заначку, спрятанную от тети Маши.

Дверь в общий коридор открыта. Как всегда. Сколько я не приучала соседей закрывать – бесполезно.

Гармошка стихла. А дядя Коля высунул голову с кухни и облегчённо выдохнул:

– А, Лолка, это ты...

Наверное, боялся, что тетя Маша с работы вернулась. Тогда и скалка, и сковорода могли в ход пойти.

– Здравствуйте, дядя Коля.

– А чего ты так рано-то? Иди, выпьем по пятьдесят, я кар-

тошки нажарил.

Я сбросила сапоги и тяжело вздохнула. Может, действительно картошки съесть, а то надоело одной травой питаться. А картошка у дяди Коли знатная, с чесночком, с кусочками сала, хрустящая.

– Идемте, – махнула я рукой.

Сосед расплылся в улыбке и начал греметь посудой, пока я снимала пальто и доставала тапочки.

На клетчатой клеенке, по углам потрепанной, уже стояла полная тарелка, когда я зашла в кухню. Рот тут же наполнился слюной. Я взяла вилку и начала уплетать картошку, почувствовав себя счастливым человеком. А дядя Коля с трепетной нежностью взял гармошку и затянул «Огней так много золотых на улицах Саратова, парней так много холостых, а я люблю женатого...»

– Дядь Коль, давай что-нибудь повеселее, – попросила я с набитым ртом.

– Эх, Лолка, а тянет-то на душевное. Но ладно, – согласился он и запел «Вдоль по Питерской».

Вообще, с соседями по коммуналке мне повезло. Вот дядя Коля же и поет хорошо, и прибить, привинтить все может, если надо. Жена его, тетя Маша, медсестра. Иногда очень громко кричит на мужа, когда он получает пенсию, даже колотит, но гармошку пока не сломала, что говорит о ее душевной доброте, а то дядя Коля бы сразу инфаркт заработал. Да и помогает она, если кто болеет, уколы ставила вон малышу

других соседей, Катя и Витя – семейная пара, три года назад обзавелись толстощекиим карапузом Тимофеем. Так тетя Маша и по ночам вставала к младенцу, и гуляла с ним во дворе, пока Катька проводила генеральную уборку или по магазинам бегала. А в четвертой комнате живет тихий студент Валик, будущий архитектор. Тоже помогает в силу возможностей, хотя, по большому счету, его не видно и не слышно.

Так что живем мы дружно, почти семьей. Никто ни с кем не ругается (ну разве что тетя Маша с дядей Колей), все друг другу одалживают деньги до зарплаты, делятся солью-сахаром, не делают гадости. Все-таки мне повезло, учитывая, что в соседи могли попасться зэки, алкоголики или еще кто. А у нас чисто, даже уютно как-то. Как будто просто большая квартира, а не коммуналка.

– Лолка, по пятьдесят?

– Нет, дядя Коля, – отрицательно покачала головой. – Мне еще пятьдесят тетрадей надо проверить.

– Эх, – вздохнул сосед и аккуратно поставил гармошку на пол, достав из-под стола почти пустую бутылку водки.

Я поднялась и пошла к раковине с пустой тарелкой. Теперь хочется спать. После такого-то обеда неудивительно. Но работа меня не отпускает даже вне стен школы. Проверить диктанты шестого класса – это еще полбеды, а вот контрольные сочинения десятого... Ой, как представляю, так хочется в этой раковине и утопиться.

– Лолка, – шепотом сказал дядя Коля, когда я выключила

воду, – там кто-то пришел. Сходи посмотри.

Я повернулась и – впрочем, ничего удивительного – ударила головой о шкафчик с посудой. При росте почти в сто девяносто сантиметров пора привыкнуть, что моя голова часто страдает. Почесав макушку, выглянула в коридор и громко сказала, чтобы дядя Коля услышал:

– Привет, Валик.

– Здравствуйте, Лолита Ивановна, – отозвался студент и нервно поправил волосы. А потом бочком-бочком к своей комнате.

– Лолка, – почти шепотом позвал меня дядя Коля.

– Что? – так же заговорщически шепнула я в ответ.

– Спрячь у себя до завтра бутылочку. А то сейчас Маня вернется и выльет же, – покачал он удрученно головой. – А утром отдашь, ты же позже уходишь, – подмигнул сосед.

– Ладно, давайте.

В комнате я поставила бутылку на подоконник, достала из пакета первую стопку тетрадей и стала читать, машинально исправляя ошибки. Ну вот как? Как можно вместо «в бездонном колодце» написать «в пездонном колодце», при том, что я повторяю предложение не один раз? Или еще лучше! «Под медным тазом» заменить на «под медным унитазом». И это я еще даже до сочинений не добралась, а там вообще будет караул. Мало того, что большинство из них слово в слово списано из сети, так еще и при простом списывании все умудряются сделать ошибки.

Отложив очередную тетрадь, услышала, как в сумке вибрирует телефон. О, нет... Сама ее светлость Нелли Евгеньевна, завуч. Отвечать не хотелось, но она дама настырная – будет звонить до победного.

– Да? – попыталась я сделать бодрый голос.

– Лолита Ивановна, – трагично начала завуч, – у нас проблема.

У нас? Серьезно? А я тут при чем?

– Нелли Евгеньевна, что-то случилось?

– Да. Только что звонила Светлова, она в больнице, ногу сломала.

Тревожный звоночек. С переломом ноги она нескоро выйдет на работу, а учителей русского языка и литературы у нас и так мало.

– И что? – аккуратно спросила я.

– С завтрашнего дня тебе придется взять ее классное руководство, поскольку свободных учителей нет, кроме двух физруков. Ну, и по возможности, Лолита Ивановна, возьми ее часы.

– Ага, – обреченно сказала я.

По возможности – это обязательно. А ведь я после выпуска своего класса в прошлом году зареклась – больше никакого классного руководства. Пусть денег меньше, зато нервы на месте.

А сейчас опять. Даже сочинения уже не кажутся ночным кошмаром.

Уронив голову на стол, простонала. Может, этот класс нормальный? Кто там был у Светловой – седьмой или восьмой? Самый трудный возраст.

Мои размышления прервал хлопок входной двери – стены-то у нас картонные. А потом раздался возмущенный возглас тети Маши:

– Колька, пьянь ты подзаборная.

Неверно, дядя Коля пьет дома. И всегда доходит до кровати. Ну, или до матраса на полу, который вытаскивает супруга, когда он начинает пить.

Ох, весело мне будет всю эту недельку. Даже не знаю, где круче – в школе или дома.

Ванную мы утром делили без боя. Так было заведено: кто раньше выходит на работу или учебу, тот первым и занимает. Сколько себя помню, это Витька. Он работает на заводе, где смена начинается, когда все только начинают просыпаться, но, как бы ни пытался Витя тихо собираться, будил меня и тетю Машу постоянно. Студент Валик предусмотрительно спит с берушами или в наушниках, а Катю с дядей Колей даже атомная война не поднимет, не то чтобы Витины сто кило, топающие по коридору. Хотя на малейший шорох со стороны ребенка Катя реагирует моментально. Материнский инстинкт, наверное.

А вот мы с тетей Машей обычно поднимаемся, как только хлопнет дверь ванной или скрипнет пол. И сейчас я от-

крыла глаза и потянулась к торшеру. Тусклый свет привычно разлился по небольшой комнате, а диван протяжно застонал, когда я начала подниматься. Нащупав ногами тапочки, взяла со спинки стула халат и вышла в коридор.

Тетя Маша уже была в кухне – набирала в чайник воду. Не оборачиваясь, сказала:

– Доброе утро, Лола.

– Доброе, – отозвалась я и присела за стол.

– Представляешь, гад мой опять запил. И ведь всю комнату обыскала, когда уснул, а заначку так и не нашла. И где он вечно ее прячет?

Вопрос был риторическим. И тетя Маша задавала его каждый месяц, когда дядя Коля получал пенсию. Чайник закипел, и соседка, разлив воду по чашкам, устроилась напротив меня. Одну подала мне, с кофе, вторую – поставила перед собой, чай с лимоном.

– Тетя Маша, давайте бутерброды сделаю?

– Не жалеете вы, молодежь, свой желудок, – покачала она головой, а услышав, как Витя вышел из ванной, добавила: – Иди в душ, я пока овсянку сварю.

Я отодвинула недопитый кофе и пошла в ванную.

Тетя Маша мне льстила. Молодежью еще можно назвать нашего Валика, но никак не меня. Бальзак бы вообще меня давно в утиль списал. Да, сейчас времена изменились, и почти тридцать уже не считается катастрофой, но все мои однокурницы едва ли не на первом-втором году обучения за-

муж повыскакивали. А я что? Я тоже хотела. Да вот только мой принц где-то застрял, то ли во льдах Арктики сгинул, то ли в песках Сахары. А те, кого я встречала, на потенциальных женихов мало походили.

И вот итог – ожидание затянулось, годы идут, а претендентов все меньше и меньше. В основном, женатые, которым хочется развлечься на стороне, а потом вернуться в супружескую постель. Я была противницей подобных отношений, даже в целях поддержания здоровья.

О! И еще один пункт. Часто представители сильного пола рядом со мной не чувствовали себя таковыми, потому что максимум доставали мне до подбородка, но чаще дышали в район груди. И это странно, учитывая, что родители у меня были вполне средненького роста...

Ладно, не стоит унывать. Но помечтать иногда стоит. Тем более что в школе сегодня будет сложный день. Кстати, не мешало бы позвонить по дороге коллеге, сломавшей ногу. О здоровье справится, а заодно узнать, чего мне ждать от ее класса.

Инна Павловна ответила сразу, как будто сейчас не восемь утра. Да еще такая бодрая и как будто радостная:

– Лолита Ивановна! – закричала она в трубку.

Может, ей в больнице что не то укололи, а то не похожа она человека, получившего вчера травму.

– Доброе утро, – настороженно ответила. – Как здоровье?

– Болит зараза, да еще и чешется все под гипсом, но я на

месяца два-три точно избавлена от школы и этих малолетних идиотов.

Я поморщилась. С такой любовью к детям надо было становиться детским стоматологом, а не вбивать в их головы правила русского языка.

– Инна Павловна, как ваш класс? Кому внимание уделить, кого подтянуть?

– Лолита Ивановна, я вам сочувствую. Класс у меня не самый дисциплинированный, а все потому, что парочка заводил поднимают всех на уши. Но на учете в ИДН* (инспекция по делам несовершеннолетних) никто не стоит. Так, безобразничают в силу возраста и безбожно хамят, так что крепитесь.

Светлова стрекотала в трубку все время, пока я шла до школы. Называла какие-то фамилии, которые я даже не запомнила, говорила, от кого чего ждать. А до меня только дошло, что она сказала про два-три месяца. Неужели так долго? Мне и год, возможно, с ними заканчивать придется...

Человеку со сломанной ногой, видимо, очень скучно, потому что Инна Павловна не замолкала. С рабочих вопросов она как-то резко перескочила на школьные сплетни. Меня мало интересовало, что учитель английского спит с физруком или что трудовик почти каждый день с перепоя.

Как только в поле зрения показалась школа, я поспешила закончить разговор. Со мной начали здороваться ученики, кто-то даже, не стараясь опередить, шел рядом. Наверное,

хотели спросить, проверила ли я диктанты или что-нибудь еще. Один из десятиклассников даже взял пакет из рук, сказав:

– Я помогу, Lolita Ивановна.

Я улыбнулась и благодарно кивнула, потому что на телефоне все еще висела Светлова. Пора прощаться.

– Инна Павловна, вы извините, но мне пора.

– Конечно-конечно, вы звоните, если что-то понадобится.

Она меня утомила. Близко мы с ней не общались, пару раз заменяли друг друга, пересекались в учительской, но дружки бы не водили.

На входе старшеклассник отдал мне обратно пакет с тетрадями и улыбнулся:

– До встречи через два урока.

Как бы мне пережить еще эти два урока, учитывая, что первого у меня и нет, а пришла я пораньше, чтобы познакомиться со своим новым классом. Зашла в свой кабинет первым делом, оставила тетради и посмотрела возле учительской расписание. Сейчас у моих новых подопечных урок физики. Отлично. Надолго я их не отвлеку.

Как только прозвенел звонок, я отправилась в левое крыло третьего этажа. Что-то даже волновалась, как студентка перед экзаменом. Хотя, по сути, так и есть. Возможно, эти подростки и видели меня где-то в коридорах, но не знают так, как знают Инну Павловну. Для четырнадцатилетних подростков – как будто мать бросила, а на ее место пришла

злая мачеха. Но я справлюсь. Я педагог. И подойду к классному руководству не как заменяющий на пару месяцев, спустя рукава, а со всей ответственностью.

Стук в дверь – и я открыла, перед этим поправив юбку и волосы. Еще и улыбнулась открыто.

– Лолита Ивановна? – удивилась учитель физики, Анна Леонидовна.

– Здравствуйте, – зашла я в кабинет. – Можно я займу у вас пять минут времени? – После согласного кивка повернулась к партам и продолжила: – К сожалению, Инна Павловна заболела. Насколько продлится ее больничный, пока неизвестно...

Дети даже не скрывали своей радости. Отовсюду начали доноситься возгласы, пока я не сказала:

– На время ее отсутствия я стану вашим классным руководителем, поэтому после уроков жду вас на классный час, а завтра в шесть вечера ваших родителей на собрание.

Вот это уже не понравилось. Разочарованные выдохи. Не от всех, но от большинства. Да, нам придется трудно.

– Извините, – поднялся один паренек, высокий, симпатичный, – а вы на классный час придете в этой же обтягивающей юбке? А то я хотел свалить, но в таком случае останусь.

Теперь раздались смешки. Так, понятно. Заводила класса. Остроумный двоечник, скорее всего.

Но все равно к подобному я не была готова. Лучше уж проверить несколько сотен тетрадей с полным стилисти-

ческим, орфографическим и пунктуационным бредом, чем брать классное руководство. Хоть тоже иди и ногу сломай!

Чувствую, классный час мне предстоит веселый, если педагогу в этом классе заявляют подобное...

ГЛАВА 2

Как я и предполагала, завуч уже перекроила расписание, забрала у меня методический день, который, по сути, был дополнительным выходным, и печально вздыхала, приговаривая:

– Спасибо, Лолита Ивановна, вы очень нас выручили.

Выручила... Как же! Как будто меня кто-то спрашивал, нужно ли мне это классное руководство или дополнительные часы. Но Нелли Евгеньевна хотела казаться милой, даже предложила выпить с ней кофе. Я отказалась, сославшись на то, что мне необходимо подготовиться к уроку.

Следующие четыре часа я вбивала в головы детей разных возрастов правила языка и прививала любовь к литературе. В целом, обычный рабочий день, если бы шестым уроком меня не ждала встреча с классом Светловой. Вернее, уже моим.

После звонка на перемену я даже как-то немного начала волноваться. Старательно улыбалась, когда подростки начали заходить в класс и рассаживаться по местам. Мне предстоит узнать каждого из них, и я имею в виду не только по именам. Трудный возраст, и к каждому нужно найти подход, чтобы наше пусть и временное, но все-таки сотрудничество прошло без эксцессов.

Надеюсь, так и будет. С виду обычный восьмой класс. Несколько девочек кучкой сели и стали что-то рассматри-

вать в телефоне, при этом хихикая. Два мальчика пришли, принеся за собой шлейф табачного дыма, еще двое играли в какие-то стрелялки, судя по звуку смартфонов, одна красила губы чуть розоватым блеском. В общем, ничего необычного. Пока я не перевела взгляд на шуплого мальчишку, склонившегося над обычной полуобщей тетрадью. Он что-то сосредоточено выводил, иногда глядя в окно, как будто задумываясь ненадолго. Он сидел на среднем ряду за третьей партой, так что рассмотреть, что именно он делает, я не могла. Но почему-то показалось, что не домашним заданием он занят.

Снова звонок. На этот раз на урок. Я поднялась и замерла возле своего стола, ожидая, пока все займут свои места. Лица недовольные почти у всех. Тут я их понять могу – никому не хочется еще на час оставаться в стенах школы. Мне тоже не хотелось, но я должна была.

– Здравствуйте, – сказала я.

Два десятка пар глаз с интересом меня рассматривали, только несколько так и продолжали сидеть в телефонах, убрав руки под парту. Ладно, не буду начинать с конфликта знакомство.

– Меня зовут Набокова Лолита Ивановна, на время болезни Инны Павловны я буду вашим классным руководителем.

Вряд ли современным восьмиклассникам знакомо известное произведение Владимира Набокова «Лолита», так что недоумение и смех я сегодня не увижу. Так и есть. Все просто закивали. Только один паренек, тот самый, который что-

то увлеченно заносил в тетрадь на перемене, переспросил:

– Простите, Лолита Ивановна Набокова?

Неужели читал? Если да, то стоит поговорить с его родителями. В таком возрасте еще не стоит.

– Да, – кивнула я, ожидая, что сейчас последует привычная реакция на мое имя.

Но в ответ был только кивок. А на остальных, кажется, мое имя не произвело никакого впечатления. Не удивлюсь, если некоторые его даже не запомнили.

– Я предлагаю нам познакомиться, – открыла журнал. – Буду называть ваши фамилии и имена, а вы вставляйте.

– И что? – снова спросил тот парень с «камчатки», которому приглянулась моя юбка. – Вы всех сразу запомните?

– Я постараюсь.

– Удачи, – усмехнулся он. – А можно я представлюсь и пойду?

– Нельзя, – улыбнулась в ответ. – У нас хоть и классный час, но все же урок.

Я не ошиблась. С ним больше всего проблем и будет. Может, и не проблем, но колкостей точно хватит. Я называла фамилию и сразу же отрывала глаза от журнала. Три человека отсутствовали, как сказала староста, которой оказалась низенькая и очень серьезная девочка в очках, болели. Ничего, потом познакомимся.

Остроумного парня звали Ян Алексеев. Старосту – Вика Липницкая. Первую красавицу класса, которая красила губы

– Вероника Страх. Задумчивого паренька – Герман Орлов...

Я действительно хотела запомнить каждого, а не просто сделать вид, что мне интересно. Когда я произнесла последнюю фамилию и посмотрела на полненькую блондинку с фиолетовыми прядями, убрала журнал и сказала:

– Вот мы и познакомились. Не забудьте предупредить родителей, что завтра собрание. Надеюсь, все придут. Если кто-то не сможет, то, пожалуйста, днем меня предупредите. У нас русская литература четвертым уроком. Может, кто-нибудь скажет, на чем вы закончили, чтобы я могла подготовить какой-нибудь интересный материал, и мы не теряли время?

Конечно, все молчали. Кто-то, наверное, даже не помнил, что они проходили, а кто-то просто делал вид, что не помнит. Дети... Что угодно, только не учиться. А я ведь все могу узнать у Инны Павловны. Да и в журнале по теме урока прочитать, только по опыту знаю, что часто написанное не сходится с действительным. Записи должны соответствовать программе, да вот программа не всегда соответствует времени.

– Никто не скажет? – дала я еще один шанс.

Староста, видимо, решила, что надо. Поднялась и сказала:

– Мы закончили «Ревизора», написали сочинение, но Инна Павловна, наверное, не успела проверить.

Я кивнула. Надо будет забрать у Светловой тетради и посмотреть в методичке, что там дальше. Все восьмые классы

были у Инны Павловны, так что теперь придется вникать, а то за год уже подзабыла. Но, по-моему, если сейчас у них литература XIX – начала XX века, то следующим после Гоголя должен быть Тургенев.

Как символично, учитывая, что на филологическом факультете меня все прозвали «тургеневской барышней». Хотя я так и не поняла почему...

Дома все было так же, как и вчера. Дядя Коля снова с гармошкой и бутылкой сидел на кухне, затягивая «Ах, мамочка, на саночках...»

Увидев меня, он радостно воскликнул:

– Лолка!

И чем это вызвано? А, он же меня вчера попросил бутылку спрятать. Та, что на столе, уже заканчивается, так что запас понадобился бы, учитывая, что даже я не отпустила бы соседа в таком состоянии в магазин. А уж если тетя Маша заметит... Точно дядя Коля головы не сносит.

– Лолка, иди картошечки покушай, а я тебе спою.

– Спасибо, я в столовой пообедала, – ответила, хотя запах жареной картошки так и манил.

– Слушай, – заговорщически начал говорить сосед, – я же тебе вроде вчера оставлял бутылку. Принесешь?

– Ох, влетит же нам от тети Маши, если узнает.

– Не узнает, – подмигнул сосед. – Мы ей ничего не скажем.

Я пошла в свою комнату. Бутылка так и стояла на подоконнике, даже охладилась. Второй-третий день после пен-

сии хуже всего. На четвертый дядя Коля уже перейдет на красное полусухое или светлое пенное. А там и до прекращения недалеко.

Вернувшись в кухню, вручила соседу бутылку белой со- рокаградусной и снова отказалась от предложения выпить по пятьдесят. Меня ждала очередная стопка тетрадей, ну, сегодня хоть одна. И то слава богу...

Сделав кофе, снова вернулась в свою комнату.

Эссе на тему: «Цветовая гамма в творчестве Есенина». Представляю, что там понаписывали, хотя я вроде разложила по полочкам. Надеюсь, что меня слушали.

Опять сочинений пять как под копирку. Интернет. И опять с ошибками списали. Еще три из той же темы, но хоть слова местами поменяли, уже почти творческий подход. От одного я чуть не свалилась под стол.

«В творчестве Сергея Александровича Есенина часто встречается синий и голубой, что, скорее всего, свидетельствует о том, что поэт был нетрадиционной ориентации...»

Что?

Это шутка?

Я зачем каждый раз уделяю минут пятнадцать-двадцать биографии? Какая нетрадиционная ориентация, если он был знатным бабником?

Да уж, с современными подростками не соскучишься. Я написала снизу: «За нестандартное мышление и неординарный подход...»

Подумала немного и поставила четверку. Все-таки думал человек, а не просто списывал. Даже ошибок нет почти. Разве что стилистические. Но не все умеют излагать еще последовательно и правильно свои мысли.

Я отложила последнюю тетрадь, когда в мою комнату занесло торнадо «Элла». Сорок кило, сто пятьдесят сантиметров и сотни тысяч рублей.

– Лола!!! Где твой телефон?

– В сумке, наверное, – пожалала я плечами.

Отделаться от подруги не получится. Впрочем, как и всегда. Она считает все на своем пути. Не знаю, почему в университете мы с ней стали подругами. Учитывая, что меня прозвали тургеневской барышней, а ее... Эллочка-людоедка. Словарный запас у нее был явно больше тридцати слов, а вульгарности никогда за ней не замечала. Но уровень сексуальности зашкаливал. Эллка сейчас редко бывает в стране, все колесит с мужем по ближнему и дальнему зарубежью. Вот что значит – удачно вышла замуж. Она не красавица: нос картошкой, близко посаженные глаза, непослушные рыжие волосы. Но, черт возьми, обаятельная. Харизмы бы хватило на десятерых таких, как я, да и осталось бы еще.

– Лола, поехали в ресторан!

– Извини, – развела я руками, – но на подобные заведения я пока не зарабатываю.

– Зато мой муж зарабатывает, – усмехнулась Элла.

Вот зачем платить за бутылку шампанского тройную це-

ну в заведении, если можно распить ее на моей кухне? Дядя Коля сейчас пойдет спать, пока больше никого нет. Только скоро придут остальные с работы, но для уединения есть комната.

Элла сама начала перебирать мой шкаф, пока я пыталась убрать осыпавшуюся тушь из-под глаз, и при этом презрительно фыркала. Ну конечно! Приходится выбирать из того, что есть. С моей-то комплекцией гардероб небогатый. Рост – раз. Тонкая талия, но широкие бедра – два. Есть еще и три, четыре, пять... Лишняя складка на животе, апельсиновая корка на бедрах...

– Лола! – пощелкала Элла перед носом пальцами, хотя нет, под подбородком, насколько дотянулась.

Я переделась, и мы вышли на улицу, где уже ждал персональный водитель на шикарной машине.

– Едем в «Вояж», – скомандовала Элла и тут же пресекла мои попытки возразить.

Ладно, придется залезть в запас. Денег там немного, да и не хотела я их тратить на поход в ресторан, но и выглядеть совсем уж печально не хочется.

Мы остановились у входа в какое-то очень – как я поняла – пафосное заведение. Эллка-то себя здесь наверняка почувствует в своей тарелке, а я... А мне неудобно. Подруга вышла и сразу закурила. Я, закутавшись в пуховик, забрала у нее из рук сигарету и затянулась. Да, даже учителя и курят, и пьют! Мы люди, обычные люди. Жаль, что не все понимают,

что за стенами школы мы тоже можем жить.

– Лолка, – закуривает Элла вторую сигарету, – а читани мне что-нибудь свое.

О, красная тряпка... Мой блокнотик уже который год пылится в полке, и никто не читал его содержимого. Только Элла.

И сейчас... То ли сигарета опьянила, то ли еще что, но я начала:

– Любимых потеряв в водовороте жизни,
Юность проводив с печалью и тоской,
Думаем, как мало нам до тризны,
И забываем наслаждаться красотой.

Век наш не вечен. Так уж есть.
Его мы можем ровно просидеть -
Рассветов не увидеть красоту и страсть закатов,
Яблоневый и вишневый цвет весной из сада...

Теперь мы умираем рано, хоть и живы.
Влачим существованье лишь одно...
Чужие жизни критикуем мы учтиво,
Упорно забывая про своё в глазу бревно.

Дверь в жизнь всегда для всех открыта,
Её вот только не хотим мы замечать.

Стенать и жаловаться – лучший выход,
А на поминках потом нечего сказать...»

Элка восторженно на меня смотрела, хотя это не лучшее, что я выдавала. А потом я услышала за спиной громкие хлопки в ладоши. О нет, кто-то слышал.

– Интересно, – заметил мужской голос.

Я по инерции повернулась. И... Это было очень неожиданно, но я уткнулась в чью-то грудь. Я уткнулась в чью-то грудь? Это же невозможно! Сколько в нем роста тогда?

С грудью я, наверное, все-таки погорячилась, но все равно мои глаза были на уровне мужской шеи. Я сделала шаг назад и посмотрела на этого поклонника поэзии. Не только ростом его природа не обделила, но и внешностью. Ежик темных волос, большие серые глаза, милая ямочка на подбородке, которую не скрывала щетина, высокие скулы, даже сеточка морщин как будто добавляла харизмы его образу.

И тут я поняла, что неприлично долго и пристально рассматриваю незнакомца. Пальцы обожгла сигарета, про которую я и забыла.

– Черт! – выругалась и бросила окурки в урну. – Спасибо, – снова повернулась к нему.

– И вам. За минуту прекрасного, – ответил мужчина и пошел к дверям ресторана.

Я снова повернулась к Элке и зашипела:

– Не могла сказать, что у меня за спиной кто-то стоит и

слушает?

Подруга посмотрела на меня, как на убогую, и покачала головой. Что опять не так, что у нее вид, как будто хочет пару раз приложиться головой о стену или меня приложить.

– Лола, – ткнула она меня пальцем в грудь, – я отброшу коньки скорее, чем погуляю на твоей свадьбе. Не могла пофлиртовать с таким парнем? Да я бы в первый же вечер ему отдалась, если бы не была замужем!

Я только хлопала глазами. Она же шутит, правда?

– Элла, ты что? Ну сделал человек комплимент моему творчеству, не мне даже...

– Н-да, подружка... Загнешься в старых девах. Идем, срочно надо залить горе. Как можно такого мужика упустить?

В помещении с двумя залами, основным и банкетным, мы заняли место за столиком возле окна, оставив верхнюю одежду на вешалке. Я здесь уже была пару раз, конечно, с Эллой, но все равно каждый раз вздыхала, глядя на цены в меню. Элка даже не открыла папку, а сразу сказала подошедшему официанту:

– Лучшее шампанское и фрукты.

Обычная шипучка, видимо, уже не комильфо. Но я сдержала при себе замечание, представив, как подружка начнет загибать пальцы, увешанные кольцами, приводя аргументы.

– Значит, так, – заговорила Элла, хитро прищурившись, – скорее всего, тот мужик в банкетном зале. Как только появится в поле зрения, берешь его в оборот. Стреляешь глаз-

ками, поправляешь волосы, облизываешь губы и все такое...

Уроки соблазнения от Эллы Демьяновой я слушаю с первого курса, мы даже репетировали все эти действия как-то перед зеркалом. Но если Элка выглядела действительно сексуально, используя эти приемы, то я... Как-то нелепо, в общем.

– Глупости, – отмахнулась от подруги. – Я хочу провести вечер с тобой, а не цеплять мужиков. Вот представь: сидит учитель, который должен сеять доброе и вечное, и ведет себя как женщина легкого поведения. Не очень картина получается.

– Лола, ты не на работе, расслабься. Не надо думать сейчас о тире в бессоюзных предложениях или об исповедальности лирики Лермонтова. Все, хватит! – хлопнула Элка ладонью по столу. – Не зуди и пообщайся с подругой, но и про мужчин не забывай.

Нам принесли шампанское с фруктами, и я посчитала, что тема закрыта. Элла рассказывала о местах, где побывала с мужем, а я завидовала белой завистью, потому что видела все это только на картинках. А что я рассказывала? Конечно, перлы своих учеников в сочинениях и диктантах, особенности веселой жизни в коммуналке, хоть и относительно спокойной. Элка смеялась, вытирала слезы... Да, ей подобное незнакомо. Диплом, скорее всего, служит подставкой под горячее, а пятизвездочные гостиницы и несколько огромных квартир никак не сравнятся с прелестями коммуналки.

Я и сама уже забыла о странной встрече возле входа после второй бутылки шампанского. Но только не Элла. Усыпила мою бдительность, а когда заметила, что банкет в соседнем зале закончен, елеино пропела:

– Пойдем, а то мой милый не может без меня и пару часов прожить.

Закивав, я поднялась и потянулась за пуховиком. Элла быстро набросила свою шубку и, даже не застегивая ее, потянула меня за собой к выходу. Снова закурила и передала сигарету мне. Я так-то обычно не балуюсь, но в такие моменты... Почему бы и нет? Все мы люди, у всех есть привычки, иногда и вредные.

Я приняла сигарету, на ходу застегивая пуховик, пока Элка нараспашку стояла в шубке, и спросила:

– До дома подбросите?

– Не я и не сегодня, – почти шепотом сказала подруга, подмигнув.

А потом... Она просто затушила сигарету и села в машину. Интересно, я правильно поняла ее намек?

– Девушка, – услышала я. – А можно еще стихотворение?

Все тот же любитель поэзии курил, а я смотрела на удаляющуюся машину подруги. Нет, все-таки какая ясновидящая Элла. И свалила вовремя, и оставила меня одну, чтобы... А что сейчас делать?

Я и заговорила:

– Ушедшее лето. Сентябрь во всевластье

Подругой (иль другом) ведёт к холодам.
Все чаще бежим по домам от ненастья,
Сказав "До весны" недавним мечтам.

Осень, что Фрейд, вскрыет все наши раны,
Заставит всю жизнь от начала прочесть.
Даже малые трещины вновь станут рваны,
А их на всем теле не перечесть.

Эта рыжая стерва ведёт к летаргии,
К сну, где не всем нам проснуться,
Где мы действуем в сомнамбулии...
Лишь бы к прошлому там прикоснуться.

В осени спрятались все за дождями...
Осень – вскрытие нашей души...
Не спастись в ней ни явью, ни снами
С мыслями: "Что же мы не спасли?"

– Сейчас весна, – заметил мой слушатель. – Но мне нравится.

И что я делаю? Стою, кутаясь в дешевый пуховик, и даже не вызываю такси.

ГЛАВА 3

Это все шампанское, будь оно неладно. И Элка со своим: «Почитай что-нибудь». Стало неловко. Но я продолжала топтаться на месте, пока мой неожиданный поклонник – вернее, не мой, а моего скромного творчества – молча курил.

Надо уходить. Я подняла на него взгляд и неуверенно сказала:

– Всего доброго.

– Может, вас подвезти?

Я отрицательно замотала головой. Впервые вижу человека, даже имени не знаю... И поехать с ним? Нет уж. Пусть Элка меня хоть трижды дурой назовет, но кто знает, что у него на уме. Может, у маньяков теперь фишка такая: притвориться любителем искусства, а потом...

Кивнув еще раз на прощание незнакомцу, пошла к стоянке такси, услышав в спину смешок. Неужели все мысли были у меня на лице написаны? Ну и ладно! Я его вижу в первый и последний раз.

Элла была легка на помине. Едва я добралась до дома, как мой телефон зазвонил.

– Лолка, – почему-то шепотом заговорила подруга, – я надеюсь, ты продолжила знакомство с сероглазым красавчиком?

Я не успела ничего ответить, как с кухни донеслись звуки

гармошки и пение дяди Коли. Объяснять ничего Элке уже и не надо было.

– О, нет! Ты дома, – сказала она уже громко.

– Да, – не стала отрицать.

– Что же мне с тобой делать? – едва ли не простонала подруга.

– Перестать сватать за первого встречного.

– Ничего, через неделю я вернусь из Испании и найду тебе мужика. В тридцать ты будешь замужем.

– У тебя не так много времени осталось, – вздохнула я.

Элла еще немного повозмушалась в трубку, потом печально повздыхала, но, не найдя от меня отклика, все-таки попрощалась. Люблю эту мелкую, но когда берется устраивать мою личную жизнь, то зла не хватает. Я верила, что мое меня найдет, даже несмотря на то, что пару раз обжигалась на неудачных романах.

Дядя Коля все на том же месте, тетя Маша у плиты с черпаком в руке. Думаю, будь в ней меньше любви и доброты, кухонная утварь уже давно бы соприкоснулась со лбом нашего музыканта. Но нет, только качает головой и вздыхает. Любит ведь, даже по прошествии стольких лет, со всеми недостатками.

– Чего в дверях застыла? – заметил меня дядя Коля. – В ногах правды нет.

– Пойду отдыхать, – махнула я ему рукой.

В комнате я подготовила одежду на завтра, снова критич-

но осмотрев гардероб. Вроде просто родительское собрание, а опять волнуясь, как перед свиданием. Иногда хуже подростков себя ведут их родители. Их-то чадо всегда самое умное, самое послушное, самое талантливое. Только почему-то так бывает дома, а в школе этот самый ангел может выкидывать такое... Чего только стоил случай, когда перед родительским собранием сожгли в школьном туалете журнал. Тогда только вводились в школе электронные дневники и журналы, так что парализованный страхом детский мозг просто забыл, что двойки родители все же увидят. А залитые клеем замки кабинетов, чтобы сорвать контрольные, одно время стали почти традицией.

Дети изобретательны, и они иногда даже с ехидством признаются в пакостях, но стоит появиться на пороге школы родителям – невинный вид и взгляд в пол.

Вот и очередной рабочий день начался с эксцесса. Никто, слава богу, не пытался сорвать учебный процесс, но кучка подростков собралась в конце коридора и увлеченно наблюдала за дракой. Конечно, повезло мне, потому что усердно мутузили друг друга парни из уже моего класса. И никто даже не пытался разнять их, некоторые еще и на телефон снимали.

– Что тут происходит? – громко спросила я.

Все резко расступились, образовав две шеренги вдоль стен, а малолетние бойцы, тяжело дыша, отошли друг от друга, но продолжали бросать злобные взгляды. Орлов и Алек-

сеев. Не ожидала. От одного так точно.

– Этот псих на меня набросился! – выпалил Ян.

– Нечего лапать чужие вещи! – не остался в долгу Герман.

– Так, стоп! – прервала я их теперь словесную перепалку. – Сейчас оба в медпункт, а на следующей перемене я вас жду в классе. Там и разберемся.

Ох, чувствую, будет, как обычно, виновата школа, что у одного рассечена губа и синяк на скуле, а у второго – расплывается фингал под глазом и царапина над бровью. А это только второй день моего классного руководства.

Первый урок я рассказывала еще сонным девятиклассникам о роли указательных слов в сложноподчиненном предложении, но реакции дождалась только тогда, когда сказала, что на следующем уроке нас ждет диктант. Печальные вздохи, стоны посыпались со всех сторон. Если бы я могла выразить всю гамму своего нежелания потом проверять двадцать пять тетрадей, но нельзя. Надо держать лицо.

Нет, я любила детей и свою работу, но везде есть минусы. И всегда накапливается усталость. Мне этого точно не избежать, учитывая, что на голову неожиданно свалилась дополнительная нагрузка.

Как только прозвенел звонок на перемену, девятый класс проснулся и быстро улетел в коридор. А через пять минут появились все еще нахохленные ребята. Подошли к моему столу, стараясь держаться максимально дальше друг от друга, и стали ждать.

– И в чем причина вашего конфликта? – не стала я их мучить молчанием.

– А какая вам разница? – снова начал хамить Алексеев. – Вон Инна Павловна просто звонит родителям или орет, а не ведет беседы по душам. Так что можете настучать предкам, а я пойду.

– Я жду ответа на свой вопрос, – все так же спокойно сказала я, проигнорировав его замечание.

– Он, – подал голос Орлов, ткнув пальцем в Яна, – забрал мою тетрадь и смеялся над рисунками.

– Пфф, да я просто посмотреть хотел.

– Конечно, – скривился Герман. – Можно было попросить.

– Ой, какие мы нежные.

– Ребята, прекратите, пожалуйста. Ян, – посмотрела я на Алексеева, – не стоит брать чужие вещи без спроса. Герман, – теперь перевела взгляд на Орлова, – не надо набрасываться на людей. Жестокость порождает еще больше жестокости. Но с родителями мне все-таки придется поговорить.

Они оба смотрели на меня так, как будто я сейчас говорила на китайском языке. Да, с этими детьми вряд ли кто-то просто беседует.

– Это, – отмер первым Алексеев, – мой батя в командировку укатил, а маме нас... плевать она хочет на меня и школьные проблемы.

– Лолита Ивановна, – следом за ним сказал Орлов, – как бы глупо не прозвучало, но мой папа тоже уехал в команди-

ровку. Честное слово, – заверил он меня для пущей убедительности.

Про мать я не спросила почему-то – ничего, потом в журнале посмотрю. На крайний случай там есть и номер телефона.

Как просидеть в школе до вечера, если я уже после первого урока устала? Может, не стоило все так близко принимать, пытаться разобраться в подростковых проблемах? Но я чувствовала ответственность за этих детей. С какого времени? Да вот со звонка завуча, наверное. С того момента, как она сделала меня классным руководителем.

Второй урок прошел легко. Словарный диктант для пятого класса. Во время третьего я почти билась головой о стену, когда мои дорогие шестиклассники делали ошибки по теме, которую я им объясняла вчера же. Снова насобирав стопку тетрадей, которую, в принципе, рассчитывала проверить за перемену, я стала ждать свой класс. Уже даже мысленно называю их своими.

Они начали появляться в кабинете, едва прозвенел звонок на перемену, чуть разминувшись с шестиклашками. Я забыла про тетради и снова начала наблюдать за своими детьми. Опять мои!

Сегодня они хотя бы уже сразу здоровались, заходя в класс. Даже улыбались, не выглядели такими несчастными, как перед классным часом. Снова телефоны, кучки по углам, громкие обсуждения. У старосты голосок-то такой, что

не перекричишь. Она пытается сейчас сделать так, чтобы ее услышали:

– Ребята, послушайте меня!!!

Да только толку ноль. Не в крике дело. Можно орать громче всех, но остаться неуслышанным. Возможно, поэтому я и захотела стать учителем. Постоянные ссоры родителей сводили меня с ума, они кричали, но не слышали друг друга. Зато слышала я. И поняла, как это сказывается на детях, поэтому не хотела, чтобы кто-то страдал так же, как и я. Не знаю, что делается в квартире каждого из них, но хотя бы на уроках языка и литературы они не будут слышать крики.

Дети сами шумные, так что не скажу, что мой тон совсем уж спокойный, но это, наверное, привычка всех учителей. Никто тихо не разговаривает. Но и громко можно по-разному.

Звонок на урок. Я поднялась, чтобы поприветствовать класс, и сказала:

– Можете присаживаться.

Тут же сразу несколько рук потянулись вверх. Даже знаю, что они хотят спросить. Я кивнула девочке, которую вряд ли должен волновать вопрос сочинений, и она спросила:

– А вы забрали наши тетрадки у Инны Палны?

– Нет еще. Завтра заберу.

– А кто будет проверять? – спросил паренек за первой партой возле моего стола.

– Думаю, Инна Павловна уже должна была проверить, –

ответила, улыбнувшись.

– Пффф, – услышала ироничный голос Алексеева. – Да она по две-три недели проверяет даже небольшие эссе! Все орет, что у нее дел и так хватает. То какие-то планирования, то заполнение журналов, то еще что... И все надо успеть до обеда.

Да, тематические планирования, планы-конспекты уроков, внесение всего этого в журнал, перенос оценок в электронные дневники, проверка тетрадей – все это занимает время. Тут не то чтобы до обеда справиться – нужно сутки увеличивать. И если Светлова все это старалась сделать до обеда, то неудивительно, что не успевала.

Я понимала и детей, для которых это ожидание невыносимо, и Инну Павловну, у которой есть семья, нуждающаяся во времени.

– Ян, – ответила я, – учителя не роботы. Мы тоже устает, нам нужен отдых. Думаю, Инна Павловна делает для вас все возможное. А теперь мы должны перейти к теме урока, потому что на Тургенева у нас мало времени, а обсудить надо много.

Дружный вздох, а потом шелест страниц учебника.

Как обычно, я уделила время биографии писателя, хотя с его творчеством знакомятся школьники раньше. Но я хочу увлечь слушателей, поэтому часто рассказываю интересные факты, а не просто читаю из учебника, еще и заставляя конспектировать. И сейчас я рассказывала историю создания

повести «Ася».

– Вы фанатка Тургенева? – снова спросил Алексеев.
Несколько смешков его поддержали.

Нет. Не фанатка, как он выразился, но мне интересно, когда читаю какого-то автора, изучить и его биографию, и историю создания произведения. Это как будто сближаешься с писателем, начинаешь более глубоко чувствовать текст, понимать.

– Почему ты так решил? – спросила я.

– Ну... – вдруг стушевался мой ученик. – Вы много знаете, рассказываете такие прикольные штуки. Даже как-то стебно слушать.

Ох, этот современный язык. Ладно, есть у меня идея. Я поднялась и сказала:

– Оставим на минуту Тургенева и вернемся к Гоголю. Как вы думаете, что бы сказал Николай Васильевич по поводу тех сочинений, что должна проверить Инна Павловна?

– Да фуфлю! – усмехнулся Ян. – Я читал краткое содержание, но это муть. Ничего не понял.

Вполне приемлемое определение. Главное – честное.

– А мне кажется, – вдруг начал Орлов, – любая книга, независимо от времени и национальности автора, должна нести в себе какой-то посыл, обращение к читателям. Так что ты просто плохо смотрел, – повернулся он к Яну, а потом добавил не без иронии: – Может, стоит прочитать полный вариант?

Конфликт еще не исчерпан. Еще и с родителями вечером не смогу поговорить. Тогда моя идея была дополнена.

– Знаете, а я предлагаю всем оценить полный вариант. Нет-нет, мы не станем заново читать Гоголя и писать сочинение, – поспешно завершила, заметив недоумение и даже возмущение в глазах подростков. – Мы просто сходим на спектакль. Кто захочет, конечно.

План мероприятий тоже надо пополнять периодически. Так чем не повод? Хотя с подростками всегда страшно куда-то выезжать. Но ничего. Раньше справлялась, осталось только вспомнить, как это.

Судя по переглядкам и шепоту, моя идея показалась им странной. Но негатива вроде нет. Нет, все-таки у Светловой стоит разузнать подробнее. Только не о классе, а о том, что она с ними делала.

– Ну... давайте... – как-то неуверенно сказала староста, и на этот раз ее почти все поддержали.

– А Ян Алексеев и Герман Орлов организуют нам мероприятие. Посмотрят, где в ближайшее время есть постановки и займутся бронью билетов.

– Да ему нельзя ничего доверить! Он все испортит! – тут же вспыхнул Герман.

– Ой, молчал бы, – не остался в долгу Ян, – у самого-то хоть дома интернет есть?

– Давайте мы не станем уточнять, что и у кого есть, потому что к делу это не имеет никакого отношения. Вы займетесь?

Или подведете всех?

Может, это и манипуляция. Только эгоцентризм подростков не позволит им ударить в грязь лицом. Так что все равно придется работать вместе. Если и не станут заниматься вместе, а отдельно друг от друга, то все равно... Совместная работа – засчитано!

Надеюсь, не прогадала. Уж больно они разные, хоть в чем-то и похожи.

ГЛАВА 4

Я не ожидала, что придут все, но десять человек... Родители рассаживались за парты, молчаливые, уставшие. Понимаю, большинство после работы, и им хочется скорее оказаться дома и после ужина устроиться на диване перед телевизором. Подождав до десяти минут седьмого, я поднялась и улыбнулась.

– Здравствуйте, меня зовут Лолита Ивановна, я новый классный руководитель.

Несколько кивков. Видимо, дети уже поделились дома "радостью". Несколько улыбок. Наверное, развеселило мое имя. И это я даже фамилию не назвала.

Подсматривала в лист, на котором сделала наброски по темам, которым стоит уделить внимание. Только почему-то казалось, что даже у детей больше интереса на уроках, чем у родителей сейчас.

Я старалась говорить лаконично и по существу, чтобы быстрее отпустить уставших людей по домам. Через полчаса мой монолог был завершен.

– В общем, – спросила чья-то мама, моложавая блондинка, – я так и не поняла: сколько денег-то надо?

– Каких денег? – удивилась я.

– Ну... – как-то даже немного стушевалась она. – Обычно это основная тема родительских собраний. Ремонт, фонд

школы, еще что-то...

Ничего удивительного. Дети считают, что «злые учителя» нагружают их заданиями, чтобы поиздеваться. А родители – что школу интересует только финансовая сторона вопроса. Деньги, конечно, нужны всем, школе в том числе, потому что директор на каждом педсовете не устает повторять, что финансирование от государства мизерное. В моем прошлом классе я на первом собрании озвучила, что примерно понадобится в течение года, а родительский комитет сам решал, сколько они соберут и как распорядятся этими деньгами. Но, честно говоря, занимались всем не столько родители, сколько группа ответственных учеников. Взрослые же были уже ребята, а прививать чувство ответственности и умение распоряжаться деньгами надо.

– Я думала, что финансовый вопрос вы решили с Инной Павловной в начале года и сделали все, что требовалось.

В ответ мне было молчание. А потом полноватый мужчина оторвался от планшета и сказал:

– Мне сегодня Вика сказала, что вы собираетесь в театр. Это мне показалось странным.

– И чем же? – не поняла я.

– Вы или очень любите детей, или слишком сильно хотите произвести впечатление.

– Вы меня извините, но делаю это исключительно в познавательных целях, чтобы у ваших детей сформировалось немного иное мнение о классической литературе, чем есть

сейчас. Если вы против, то можете не подписывать согласие на выезд.

– Нет-нет, – слышались голоса с разных сторон. – Мы согласны.

Отец старосты все-таки смог меня задеть, хоть и не сказал ничего плохого, в принципе. Да только осадок все же остался. Может, и не стоило так проявлять инициативу, которая, как известно, наказуема? Но я действительно просто хотела сводить детей на спектакль...

Когда родители ушли, я собрала вещи, закрыла кабинет и спустилась вниз. Вахтер скучала, глядя в газету, но, услышав шаги, подняла голову.

– Лолита Ивановна, уходите?

– Да, – кивнула, отдав ключ от кабинета. – До свидания.

– До понедельника.

Дома было тихо. Дядя Коля, вероятно, уже спал. За выходные, по идее, должен прийти в норму. Тетя Маша, судя по звукам из комнаты, смотрела телевизор. Валика, как обычно, не слышно и не видно. В ванной Катька купала Тимофея, пока Витька на кухне что-то кашеварил. Поздоровавшись со всеми, кого увидела, зашла в комнату и, едва успев переодеться, услышала стук в дверь. На пороге комнаты стояла тетя Маша.

– Привет, Лолка.

– Здравствуйте, – сказала в ответ.

– Какие планы на завтра? – спросила она, а потом кивнула

в сторону кухни: – Может, чай?

– Давайте, – согласилась я, и мы с тетей Машей направились в кухню.

Как только закипел чайник, к нам присоединилась Катька. С громким выдохом почти упала на стул и сказала:

– Устала я что-то.

Тетя Маша поставила на стол три чашки, от которых успокаивающе пахло мятой. Перед сном отлично, а я, скорее всего, сразу выключусь от усталости, не столько физической, сколько моральной.

Сейчас мы сидели своеобразным женсоветом и пили чай, пока тетя Маша не сказала:

– Девочки, с завтрашнего дня обещали потепление. Может, генеральную весеннюю уборку сделаем?

Обычно подобными делами руководила тетя Маша, так что ее предложение не выглядело странным. А мы всегда соглашались и помогали. Правда, по мере возможностей. Обычно мне достается то, что повыше: протирать пыль на шкафах, снимать плафоны, чтобы помыть, потом повесить обратно, окна протереть. Катька моет полы, шкафчики на кухне, ванну. Витька ходит вытряхивать на улицу дорожки, а потом возвращается с песком на зубах, отодвигает мебель, чтобы освежить пол и за ней. А дядя Коля задумчиво осматривает каждый гвоздик, думая, что бы привинтить или прибить. Валик, когда не занят, тоже вносит свою лепту. А если занят, то потом всегда приносит Витьке пару бутылок пива

с сушеной корюшкой в благодарность, а нам – по бутылке шампанского и коробочке конфет. Дяде Коле ничего не достается – тетя Маша пресекла сразу. Все самое простое, не очень дорогое, но нам все равно приятно. Главное – не сумма, которую потратил наш студент, а внимание, которое уделил каждому.

Поэтому мы весь субботний день провели дома. Мыли, стирали, убрали... Тетя Маша ушла с Катькиным сыном на улицу, сказав, что скоро они не вернуться, дядя Коля, как только скрылась супруга, побежал в магазин, подмигнув нам с Катей:

– Девочки, вы такие молодцы, я вам винца куплю. Красного, полусладкого.

Мы закивали. Можно отказаться, но все равно купит.

Витька пошел доставать свои рыбацкие принадлежности с антресолей – есть у него такое хобби. Валик убежал еще утром, но обещал вернуться к обеду, чтобы помочь.

Мы с Катей начали уборку вдвоем, но вскоре с песнями и вином стало веселее. Может, начинать пить в десять утра не очень, но мы только по чуть-чуть, для тонуса. Коридор, кухня, ванная, туалет – до блеска. А обед сегодня на всех готовил наш студент, вернувшийся, как и обещал.

Неудивительно, что вечером я свалилась без сил. Почти задремала, когда раздался звонок. Номер незнакомый.

– Слушаю...

– Лолита Ивановна, здравствуйте! – заорал в трубку ка-

кой-то смутно знакомый голос, который сразу и представился: – Это Ян Алексеев.

– Привет, – ответила я, – что случилось?

Он замолчал, видимо, задумавшись все-таки, что звонок учителю в выходной день вечером как-то выбивается из рамок.

– Блин...

– Блин на сковородке, а ты уж, если позвонил, говори.

– Кароч, я нашел «Ревизора» на следующей неделе, так что можем сходить!

– Это здорово. Герман тебе помогал? Согласуй свою идею с ним, а в понедельник мне расскажете, что вы решили.

– Ну, Лолита Ивановна...

Судя по тону, работать с Орловым он не хотел. Нет, если он и в одиночку найдет билеты, то я не против, но можно же совместить два полезных дела.

На удивление, утром я проснулась поздно. Светло и солнечно. На часах – десять. Уже все должны были проснуться, разве что Валик в наушниках продолжает видеть десятый сон.

На кухне толкались тетя Маша и Витька. Я поздоровалась и открыла холодильник. Да, не густо. Выпив кофе, сказала:

– Подготовьте список, кому и что надо. Я в магазин.

Умылась, переоделась, приняла от соседей списки продуктов с деньгами и вышла на улицу. Да, тетя Маша была права – жарко. Совсем не для марта погода. Возле подъезда

просмотрела списки и поняла, что придется идти не в наш маленький магазинчик, а дальше. В гипермаркет. Зато прогулки полезны.

В магазине, взяв тележку, начала ходить по рядам. Вино для дяди Коли, о котором он попросил, когда я уже выходила. Пара пачек круп и макарон тете Маше. Киндер для Тимофея. Пиво – для Витьки. Лапша быстрого приготовления – для Валика. Ох, надо тетю Машу попросить, чтобы провела беседу насчет правильного питания. А то времени ему жалко на готовку, хотя вчерашний плов от студента по маминому рецепту разошелся на ура.

Я стояла возле витрины с мясной продукцией, когда услышала сбоку:

– Здравствуйте, талантливая девушка.

О, нет! Повернула медленно голову и натолкнулась на улыбающийся серый взгляд. Кивнула в ответ, потому что слов не нашла. И тут же отвернулась, почувствовав, как становится неловко. Еще хуже, чем было возле ресторана.

А еще набор продуктов у меня в тележке: пьющая женщина с ребенком, которая экономит на еде.

Учителя не ругаются матом? Еще как! Мысленно я вспомнила все, что знала...

Почему подобные встречи всегда незапланированы и неожиданны? Вот стою я без косметики, в старых джинсах, походной (как я ее назвала) куртке, с беспорядком на голо-

ве... И что? А то, что встречаешь именно того, кого никак не планировала встречать. А что он? А любитель поэзии выглядит, конечно, с иголки, как будто только что от стилиста.

Хотя мне, в принципе, должно быть все равно, правда?

Я вроде бы и отнюдь не стеснительная девушка... Ну, женщина уже, если по правде, потому что девушки – это мои ученицы десятых-одиннадцатых классов.

Боковым зрением замечаю, что он не уходит. Все так же стоит и смотрит на меня. Надо сделать вид, что меня очень заинтересовал кусок мяса, который выглядит не очень. Неужели этого сероглазого незнакомца даже не смутил набор продуктов в моей тележке?

– Григорий Александрович! – радостно воскликнула девушка за прилавком, когда очередь рассосалась, а я все так же продолжала изучать витрину.

– Здравствуйте, Людочка.

Ну, хотя бы теперь я его имя знаю. А то второй раз встречаемся... Кто знает, вдруг он еще и где-то неподалеку живет?

И тут я вдруг в полной мере осознала, как его зовут. Странная аналогия. Может, никто бы ее и не провел, но я вдруг выпалила:

– Так вы герой нашего времени?* (Григорий Александрович Печорин – главный герой произведения Лермонтова «Герой нашего времени»)

Ну и что за бред я несу сейчас? Надеюсь, он не услышал и не понял.

– Людочка, мне как обычно.

А когда продавец скрылась из виду, повернулся ко мне и усмехнулся:

– Моя фамилия вовсе не Печорин.

– Извините, – сказала я, поняв, что сморозила глупость.

Ну обычно мало кто может так быстро сообразить. Он филолог, что ли, писатель, поэт? Нет сейчас людей, настолько хорошо знакомых с литературными произведениями. Да я не думаю даже, что Элка, выпускница филфака, помнит, как по имени-отчеству этого персонажа.

Вернулась продавец с пакетом, а я направилась в другой отдел, чтобы не продолжать этот бессмысленный и очень неудобный разговор. Я держала тележку за ручку, стоя напротив отдела с бытовой химией, когда почувствовала, как что-то опускается внутрь тележки.

Да это издевательство?

– Здесь моя соседка работает, – как само собой разумеющееся пояснил мой новый знакомый незнакомец. – Это очень хороший кусок свинины. Я оплачу.

– Спасибо. Но не стоит! Или вы считаете, что я сама не в состоянии оплатить кусок мяса?

– Я не хотел вас обидеть, – мягко улыбнулся он.

Теперь ямочку на подбородке дополнили игривые ложбинки на щеках. И я почувствовала себя хамкой. Вроде человек старался, хотел сделать как лучше... Но почему-то не я, наверное, сейчас кажусь человеком творческой профессии.

Может, я не пишу картины, не создаю художественные образы в прозе или стихах, не проектирую здания, но мне всегда казалось, что педагог – это тоже создание чего-то прекрасного. Когда видишь, как ребенок, которого ведешь на протяжении нескольких лет, расцветает и формирует свое мировоззрение, это прекрасно. И я чувствовала себя флористом, благодаря которому распускаются цветы. Подобрать удобрение, вовремя поливать, организовать благоприятные условия...

И вот сейчас я себя ощущаю базарной бабой на фоне интеллигента, забредшего по случайности на рынок.

Я попыталась собрать мысли воедино и сказала:

– Еще раз прошу прощения, но пока мой заработок позволяет платить за продукты самостоятельно, не прибегая ни к чьей помощи. Премного благодарна, что вы оказались небезучастны.

А сейчас я подумала примерно так – писк, писк, писк. Именно им же скрывают матерные слова в кино? Ну и как я разговариваю? Как будто родилась где-то век назад?

Мои слова не смутили сероглазого знакомого незнакомца. Он только еще шире улыбнулся, как будто я сказала что-то веселое, и спросил:

– Может быть, в этот раз я вас подвезу?

Любое из моих действий вызвало бы недоумение и, возможно, отторжение со стороны... Ну, почти все. А он еще предлагает подвезти! И теперь мне это кажется ненормальным. Вот что ему надо?

– Извините, Григорий Александрович...

– Хватит извиняться, лучше еще стихи прочитайте.

И тут я окончательно смутилась, решив, что надо мною просто издеваются.

Никогда не думала, что мое творчество понравится кому-то. Ну уж если после этого стихотворения он хотя бы улыбнется, то я... Да ничего я не сделаю. Все так же буду работать в школе, водить детей по спектаклям и ходить по магазинам со списками соседей.

Ну ладно, он сам напросился. Если раньше была лирика, то сейчас я выдам. И почему-то в памяти всплыло самое странное стихотворение. И даже не знаю, что меня сподвигло на его прочтение:

– Я друг тебе. Готовь бутылку белой,
Душевно мы с тобой поговорим, -
Устал он сказал и почесал затылок,
Шепнув: – И все пойдем и всех простим.

Его я слушать не хотела,
Выгоняла, уши закрывала,
Но он пощечину вlepил, я обомлела,
Остороженько присела, наливала.

-Вот сложно мне с тобой, как ни крути, -
После первой, прикусив огурчик, он сказал. -

От таких недугов ведь не вылечат врачи...
Лоботомию бы тебе, – вздохнул, но не пропал.

– Не справлюсь я один с тобой. Зову друзей.
Его друзья возникли на пороге, дверь не закрыть.
Зашли, не глядя на меня, я позвала чертей.
Друзья хвостатые не захотели посетить...

Осталась я одна, три пары глаз уставились,
Решая, как меня встряхнуть и поиметь.
О, нет! Silenzio! Мозги почти расплавились.
Вещать даже не надо, только посмотреть.

– Ну, дорогая, мы договоримся? -
Он с улыбкою спросил меня.
– Шел бы ты! Мы не сроднимся!
– А вот и нет, я часть тебя, -

Лукаво подмигнул мне Смысл Здравый.
Его друзья, Сарказм и Мать-Шизофрения, -
Юродивой я чувствую себя, о боже правый, -
Лично показали мне психопатии.

-Оставьте, нахрен, вы меня в покое,
А, может, не в покое, а в запое.
Я не хочу вас видеть, слышать, знать,

Уже б оставили и дальше горевать.

– Думаю, что хватит, – нам сказал Сарказм, -
Апгрейд, модернизация, и мы с тобой.

ЧуднАя ты, придумала чего-то там,
У нас все проще – просто будь собой!

Хорошо, что в момент моего выступления никому не понадобился стиральный порошок или средство для мытья окон. Интересная, наверное, картина: я читаю странное стихотворение, а у мужчины напротив брови ползут вверх, а глаза округляются.

Я бы, скорее всего, на его месте просто вежливо попрощалась и спешно ретировалась после такого. Но нет... Он где-то с минуту переваривал услышанное, а потом рассмеялся.

– Ну ничего себе, – покачал головой. – Да вы весьма разносторонни.

Вот вроде и на комплимент похоже, а я снова чувствую себя неловко.

– Спасибо, – кивнула в ответ.

– Может, в этот раз позвольте вас подвезти?

Что сделала я? Конечно, отрицательно замотала головой. Не понимаю этого мужчину, честное слово. Поверить, что он настолько любит поэзию? Или, быть может, что объектом его восхищения стала я? Первое, по крайней мере, не так похоже на научную фантастику, как второе. О, еще же и версию с

маньяком никто не отметил!

Я чувствовала себя невероятно глупо. Давно такого не было. Да, может, я в какой-то степени и наивна для современного мира, но уж дурочкой точно никогда не была.

Не сказать, что он мне не нравился. Симпатичный и интересный. И поэзию любит. Да и ростом вышел. Вроде бы пока одни достоинства. Может, я просто разучилась с мужчинами знакомиться?

– Вы живете где-то неподалеку?

А вот Григорий Александрович точно намеревался продолжить знакомство. Продолжал стоять рядом, да еще и пристально рассматривал. И почему у меня нет привычки, как у Элки, даже в магазин выходить при всем параде? Я непроизвольно поправила волосы, чувствуя, как его взгляда начинают гореть уши.

– Извините, мне пора, – сказала я.

– А почему ваш муж не ходит с вами по магазинам?

Ну вот... Видимо, на набор моих продуктов он все-таки обратил внимание.

– Это для соседей, – пояснила я, как будто оправдываясь.

– Понятно, – кивок в ответ.

Посчитаю это знаком к окончанию разговора. Взяв тележку за ручку, я пошла дальше по ряду, потом свернула на дружкой, хотя мне вроде бы там ничего и не надо было. К кассе я подошла через минут пять, после того как мы расстались с тезкой одного из моих любимых литературных героев.

Расплатившись, я вышла из магазина с двумя пакетами в руках и направилась к пешеходному переходу. На улице, кажется, температура поднялась еще на пару градусов, так что домой я наверняка приду насквозь мокрая. Надо было согласиться на «я вас подвезу».

Не успела подумать об этом, как передо мной остановилась машина. Окно со стороны пассажирского сидения опустилось, и уже знакомый голос произнес:

– Девушка, давайте я все же вас подвезу.

Я недоверчиво посмотрела машину и снова хотела отказаться. Но мне не дали и слова вставить:

– Можете еще подумать, но штраф от ГАИ меня как-то не радует.

А ведь и вправду! Человек нарушает правила из-за меня, а я еще и думаю, как будто цену себе набиваю. Забросив пакеты на заднее сидение, я открыла переднюю дверь, подумав, что в такое авто надо садиться в шубе и сапогах на шпильках, а не в старой куртке и потертых джинсах.

Но мой внешний вид не смущал Григория Александровича. Хорошо человек воспитан.

– Куда едем?

– Здесь недалеко. Во дворы.

Я объяснила дорогу и замолчала. Странное знакомство, странное совпадение, да и сам мужчина странный. Мне почему-то казалось, что таких уже не бывает. Хоть мы и разговаривали мало, но я ни разу его мысленно не поправила.

Как будто он филологический с красным дипломом окончил. Только сомневаюсь, что филологи зарабатывают на такие машины.

– Куда дальше?

Мы уже остановились, пока я витала где-то в облаках, думая, что из себя представляет мой новый знакомый. А ведь можно было просто спросить. Да как-то неудобно.

– Я здесь выйду. Спасибо.

Только потянулась к ручке на двери, радуясь, что все-таки не маньяк попался на пути, как на мое левое запястье легла рука.

– Как вас хоть зовут?

Точно! Самое странное знакомство. Обычно люди сразу представляются друг другу, а потом уже читают стихи и подвозят до дома.

– Лола, – повернулась я к нему.

И снова в серых глазах удивление.

– Однако... – протянул Григорий Александрович. – Необычное имя для необычной девушки. И почему ваши родители его выбрали?

Обычно ответом на такой вопрос было лишь пожимание плечами и что-то вроде «ну, так бывает». Только история с именем на самом деле довольно глупая вышла. И хорошо, что я еще была не в том возрасте, чтобы слышать, как орала мама на папу.

– Знаете... – начала я, но тут же замолчала. Вот как-то же

этот мужчина заставляет меня откровенничать. – Мама отправила отца регистрировать ребенка, а он, уже больше недели отмечая мое появление на свет, еще опохмелился где-то по дороге и забыл, какое имя выбрали. Мобильных телефонов, конечно, тогда не было у всех, так что пришлось импровизировать. А тогда был довольно популярен «Кабаре-дуэт «Академия»» и, соответственно, Лолита Милявская. Пока папа задумчиво потирал затылок, заполняя бумаги, как раз и заиграла их песня. Вот так и получилась Лолита.

Кажется, в этот раз Григорий Александрович шокирован еще больше, даже мое последнее стихотворение не произвело такого впечатления.

Жаль, конечно, что папа не был знаком с творчеством Набокова и не подумал, как будет выглядеть подобное сочетание.

ГЛАВА 5

Григорий

Я ее узнал в магазине только по росту и добрым карим глазам. Она как будто из другого времени, а уж в определении хронологических рамок я был, возможно, лучшим. А как стихи читает... Как будто отдает частичку себя, до дрожи пробирает.

Еще тогда, возле ресторана, понял, что это написала она сама, а потом корил себя, что не настоял на продолжении знакомства, которое бы заключалось в совсем невинной поездке до ее дома. Но у нее было такое выражение лица, как будто я повинен в убийстве Кеннеди, в падении Римской империи, в расколе церкви и казни царской семьи Романовых.

Я и не настаивал, но судьба вновь столкнула нас. И когда она прочитала то стихотворение, да еще прямо в магазине, я удивился. Не просто удивился, а можно даже выразиться более емко. А потом снова смутилась немного. Как будто закрылась.

Но мне почему-то хотелось провести с ней больше времени. Она не была похожа на других: и разговаривала интеллигентно, и вела себя не вызывающе, и даже не пыталась флиртовать.

Интересная барышня. Очень.

А потом она сказала имя. Лола. Лолита... Кажется, я мыс-

ленно произнес это так же, как было в романе Набокова, в первой главе. Давно читал, дословно не вспомню. Надо будет перечитать – книга в библиотеке есть.

И что сейчас делать? Предложить ей выпить кофе? Чувствую себя идиотом. За середину четвертого десятка перевалило, а как будто подросток, ей-богу, не могу девушку пригласить куда-нибудь.

– Может, с пакетами помочь? – спросил я, выйдя следом за ней из машины.

– Спасибо, что подвезли, но не стоит.

И прозвучал ее ответ не так, как будто она старается от меня отделаться, а так, как будто в квартире прячет парочку незарегистрированных таджиков. Ну и чем она еще меня шокирует? Стихотворение странное прочитала, про нестандартный подход отца к выбору имени рассказала...

– Григорий Александрович, – улыбнулась она, – у меня сосед в запое и поет русские народные песни на всю квартиру, жена его пилит за это, но гармошку не отбирает. Второй сосед смотрит футбол на полную громкость, а трехлетний ребенок носится по коридору, снося все на своем пути.

Я понял – коммунальная квартира. Слышать доводилось, но прочувствовать – нет. Я всю жизнь провел в пятикомнатной квартире родителей-профессоров, так что коммуналки видел только по телевизору. Но ведь не в жилплощади дело. Можно жить друг у друга на головах, но быть счастливыми. А можно в хоромы тащить на плечах багаж прошлого

и страдать.

– Лола, не хотите через часа два выпить кофе? – все-таки спросил я и понял, что волнуюсь.

Я действительно как будто не дышал, пока ждал ее ответа. Она наморщила лоб – думает. А потом пожала плечами и улыбнулась:

– Давайте.

– Чудесно! – обрадовался я так, что карий взгляд снова стал недоверчивым, даже не удивлюсь, если она сейчас передумает. – Выбирайте место, – добавил, чтобы она больше на меня настороженно не смотрела.

– Здесь недалеко есть кофейня, – кивнула она куда-то в сторону. – На выезде направо и остановка вперед. Слева от дороги.

– Буду ждать вас через два часа там. И надеюсь не только на кофе, но и на минуту поэзии.

Лола кивнула и, подхватив пакеты, пошла к подъезду. Я смотрел ей в спину, пока она не скрылась за дверью, а потом снова сел в машину и усмехнулся. В последний раз на подобное свидание я ходил еще студентом. И тогда я это свиданием не посчитал. А в итоге женился.

Дома было пусто. Только дурацкие антикварные часы, подаренные мамой, нарушали тишину в квартире. Я сложил свои немногочисленные покупки в холодильник и почувствовал короткую вибрацию в кармане.

Вот же... А я ведь у Лолы даже не взял номер телефона.

Мало ли, как у нее планы могут измениться. Мало ли, она передумает.

Я достал телефон и прочитал сообщение:

«Получил разрешение от Академии наук. Завтра прилетаю в Минск».

Отлично! Просто день сюрпризов, причем довольно приятных. Только огорчало, что снова придется уехать, и в этот раз даже не знаю, на какое время затянется моя командировка.

Отправил в ответ:

«Бронирую билет. Жди».

Я думал, что разрешение от этих бюрократов получу ближе к лету. Но тогда бы мы и начали сам процесс уже к осени. А погода уже не та. В нашем климате у нас есть от силы пять месяцев для полевой работы.

Открыв ноутбук, понял, что он разрядился. Можно было забронировать и с телефона, но мне неудобно. Подключив зарядное устройство, зашел в пустую соседнюю комнату и покачал головой. Дети и порядок – понятия малосовместимые. Завтра придет Елизавета Сергеевна и наведет порядок... Но как можно было за два дня сделать из комнаты непонятно что?

Компьютер был в спящем режиме, так что включил я его быстро. У меня никогда не было привычки нарушать личное пространство других людей, даже если это мой собственный ребенок, но он сам виноват, что не закрыл переписку на сво-

ей странице «ВКонтакте». Я хотел закрыть вкладку, но натолкнулся на имя собеседника.

Да черт возьми! Пора мне хотя бы в школу наведаться. Неужели этот... Я даже подходящего эпитета не нашел... Неужели он переехал сюда, да еще и его сын попал в один класс с моим?

Совпадение? Или он собрался и дальше вставлять мне палки в колеса и портить жизнь?

ГЛАВА 6

Его предложение было сколько ожидаемым, столько и неожиданным. Странная дилемма. И хоть я сомневалась, но все же согласилась. А почему бы и нет? Поход в кофейню ни к чему не обязывает. Да и намеков двусмысленных я не заметила. Кажется, вполне приличный мужчина.

Едва хлопнула входная дверь, как в коридоре тут же раздался топот маленьких ножек.

– Леля! – закричал Тимофей. – Дай, дай, дай!

Шоколадное яйцо было где-то на самом дне пакета, но заставлять ждать ребенка с такими умоляющими глазами невозможно. Я присела на корточки, даже не раздевшись, и начала искать. Через минут пять, когда уже один пакет подхватил вышедший из комнаты Витька, нашла. Тимофей повис на моей шее, едва не завалив на пол от неожиданности, и звучно чмокнул в щеку, а потом серьезно сказал:

– Леля, я тебя люблю.

– Я тебя тоже, – улыбнулась в ответ, погладив его по пухлой щеке.

Час пролетел как-то незаметно. Все толкались на кухне, распределяя покупки, я считала мелочь, раздавая сдачу. Потом пыталась незаметно отдать дяде Коле спрятанный за тумбочкой для обуви алкоголь.

Я бы даже не обратила внимания на время, если бы не

посмотрела на экран телефона, как только зашла в подъезд. Не люблю опаздывать. Тем более на «несвидание». А как это назвать? Творческий вечер? Очень смешно. Встреча с любимым автором? Еще смешнее. Просто кофе...

Меня просто пригласили выпить кофе, а я, наверное, как любая обычная женщина, начала готовиться так, будто бы сегодня мы закончим вечер в одной постели. И это, в принципе, нормально для взрослых людей, хоть я и не собираюсь. Судя по внешности, Григорию Александровичу лет тридцать пять. Кольца обручального нет, как я заметила. Знаю, что многие его просто не носят, но о семейном положении можно и спросить, хотя это кажется всегда неудобным. Как будто я строю дальнейшие планы.

Только не в этом дело. Будь я чьей-то женой, мне бы не понравилось, даже если бы мой муж просто ушел вечером выпить кофе с какой-то малознакомой девушкой...

«Женщиной», – поправил меня внутренний голос, и я даже дернулась, неровно нарисовав подводкой тоненькую стрелку.

Нет, все-таки во мне живет неисправимый романтик. Вроде и стараюсь думать логически, не строю никаких планов, а воображение все равно рисует что-то лирично-романтичное с нотками... Чего-то еще воздушного, легкого, но очень эмоционального. Может, и стоит быть более прагматичной, вроде и стараюсь – не витаю в облаках, но все равно хочется думать, что осталось место для высоких чувств в наше вре-

мя. Не знаю, глупо ли это, но можно ведь просто мечтать, а не строить иллюзии.

А между мечтами и иллюзиями тонкая грань. Когда-то я была только в последних, пока меня не опустили с небес на землю. Ну, это дело прошлое... У всех подростков бывают, кажется, глубокие чувства, которые потом быстро забываются. Но только именно благодаря своей давней влюбленности я и оказалась в этом городе, спеша после школьного выпускного деть себя на любой филфак, но только не в родном городе.

Я отвлеклась от зеркала и снова посмотрела на цифры на смартфоне. Осталось полчаса.

Вроде готова. К «несвиданию».

До кофейни я шла пешком. В соседнем дворе встретила своего ученика, который курил за углом дома. Он быстро выбросил окурок и, выдыхая дым, который тут же пытался разогнать рукой, сказал:

– Здравствуйте, Lolita Ивановна.

– Привет, – отозвалась я. – Куришь?

– Нет, что вы...

– У нас завтра литература? – спросила, хотя и так помнила прекрасно.

– Да вроде бы, – как-то неуверенно отозвался парень, потирая затылок.

– Отлично. Тогда подготовь мне реферат на тему «Вредные привычки русских классиков».

Сейчас у несчастного было такое лицо, как будто он не никотином баловался, а лимон съел.

– А предкам не сдадите? – с мольбой спросил он.

– Не сдам. Иди готовиться.

– До свидания.

– До завтра.

Может, я и сама не образец для подражания: и курю иногда, и выпить могу, и даже нецензурные слова знаю. Но это все вне школы. Если бы я сейчас завела лекцию о вреде курения, то парень бы посчитал меня занудной училкой и вряд ли услышал хоть слово, а с моей стороны это было довольно лицемерно. А так... Может, пока готовиться будет, что-то в голове и отложится.

Знакомую машину я увидела на парковке возле кофейни, когда переходила дорогу. И как-то даже немного заволновалась. Вот тебе и «несвидание». И эта встреча какая-то другая. Сейчас я вряд ли смогу читать стихи.

Остановившись возле машины, я выдохнула и постучала в окно, потому что Григорий Александрович что-то весьма увлеченно изучал в телефоне. Интересно, во сколько он приехал, если даже я пришла раньше?

Он вышел из машины и улыбнулся, спросив:

– Идем на кофе?

И в этот момент я поняла, что дается ему все так же непросто, как и мне. Неужели на «несвидания» так давно не ходил? Или боится услышать очередное стихотворение и разо-

чароваться в моем творчестве?

Ну вот как?.. Как могут в одном мозге сосуществовать романтик и саркастичный человек?

– Давайте на кофе, – ответила я.

– Хотя у меня есть предложение лучше.

Я вопросительно посмотрела на этого «героя нашего времени».

– И что это? – спросила, ожидая чего угодно, но только не того, что он сказал:

– Вы меня познакомили с творчеством, а я вас познакомлю с наукой. Может, не очень интересной, но все же...

Может, наука и не была такой интересной, как он сказал, но все же заинтересовать меня получилось. И это не было похоже на банальный, как сейчас выражаются подростки, подкат.

– Давайте, – кивнула я.

Григорий Александрович улыбнулся и обошел машину, открыв переднюю дверь.

– Я за кофе, подождите меня пару минут.

Сев в машину, поняла, что даже не сказала, какой мне кофе принести. В этой кофейне выбор большой, а у него даже моего номера телефона нет, чтобы позвонить и спросить. А машину открытой я тоже не брошу.

Григорий Александрович вернулся с двумя стаканчиками в картонном подстаканнике и с маленьким бумажным пакетом.

– Подержите? – спросил, открыв дверь.

– Конечно.

Взяла из его рук кофе, пакетик был заброшен на заднее сидение, и мы тронулись с места. Я даже не спрашивала, куда мы едем. Но заметила, что направляемся к выезду из города. И что это значит?

– Кофе остынет, – прервала я наше молчание.

– Нам еще минут десять. Или вы меня боитесь?

Какой пронизательный мужчина! Я не боялась, но как-то чувствовала себя... Странно, что ли?

– Нет, – замотала головой. – Просто я не понимаю, куда мы едем и что вы мне хотите показать.

Свернув с трассы на проселочную дорогу, Григорий Александрович уверенно направил машину к лесу. Я ждала крепче стаканчики, но промолчала. Это был не лес, а скорее небольшая лесополоса, минув которую, мы выехали к берегу небольшой речки. Дорога здесь не очень, тем более в марте, так что я все боялась, как бы мы не увязли в грязи.

Мы проехали еще немного вдоль берега, остановившись на подъеме. Я вообще не представляла, что мы здесь забыли. Но цивилизация была недалеко. С пригорка, на котором остановилась машина, виднелась деревня. И довольно большая.

И вот вопрос... С чем же меня тут хотят познакомить: агротуризм, сельское хозяйство, лесничество?

Григорий Александрович потянулся к стаканчику и спро-

сил:

– Выйдем?

Я кивнула и, взяв второй стакан, открыла дверь. Для подобных поездок март не самое подходящее время. От реки дул холодный ветер, сапоги утопали в сырой земле, а в надвигающихся сумерках возле леса было неуютно. Да, Лола, занесло же тебя однако.

Набросив капюшон, сделала глоток кофе. Черный, с корицей и ванилью. Интересное сочетание. И довольно вкусно. Обхватила руками стаканчик, жалея, что не захватила перчатки, и сделала несколько шагов, остановившись рядом с Григорием Александровичем перед капотом.

– Знаете, я уже считаю, что было глупо везти вас сюда.

– Почему?

– Боюсь, что вам станет скучно.

– Пока не скажете, зачем мы сюда приехали, не узнаете.

– Лола, вы любите историю?

Я задумалась. Вопрос вроде бы простой, но не знаю, как ответить на него.

– Если бы вы спросили, люблю ли я литературу, то получили бы незамедлительно утвердительный ответ. История же... Допустим, в школе она мне нравилась, да и узнавать подробности биографии писателей мне интересно. А чем это не история? Но знать, в какой последовательности правили династии в Китае, мне не надо. Поэтому я даже не знаю, что ответить.

Может, и не стоило говорить так, потому что вопрос явно был лишь прелюдией к какому-то рассказу. И возможно, сейчас я отбила желание продолжать.

– А я мало интересовался историей, пока однажды не приехал в эту деревню. Мне было лет шестнадцать, и здесь у моего одноклассника жила бабушка. Я даже не помню, какое строительство здесь затевалось, но, когда начали рыть котлован под фундамент... Вон там, видите? Хотя он уже и порос травой.

Я посмотрела в ту сторону, куда указывал пальцем Григорий Александрович, и даже не подумала бы, что там что-то хотели строить. Списала бы на особенности рельефа.

– Вижу, – кивнула, все равно еще не понимая, к чему идет разговор.

– И в один день строительство превратилось в раскопки, когда ковш вместе с землей вытащил скелет. Конечно, в деревне слухи быстро разлетелись. И нам, само собой, захотелось взглянуть, что здесь происходит. Ночью мы с другом пробрались на место раскопок. Только ничего интересного не нашли, зато нас здорово отгаскал за уши археолог, который ночевал в палатке.

Представить этого мужчину шелудивым мальчишкой было сложно. Но я все-таки не сдержала улыбку. И даже начала догадываться, зачем он мне все это рассказывает.

ГЛАВА 7

Григорий

Захотелось мне привезти ее сюда, когда я уже подъезжал к кофейне. Странное желание, но очень острое.

Лола хмурилась всю дорогу, даже немного нервничала, но не просила развернуться и поехать обратно в город. Я ее понимал. Какой-то едва знакомый мужик, хотя нет, можно сказать, что и совсем незнакомый, везет девушку в безлюдное место. Какие мысли могут посетить в данном случае? О хорошем люди думают в подобной ситуации редко.

Но по мере того, как я говорил, будто чувствовал, как она расслабляется. Может, я так хотел тоже поделиться чем-то личным, как она со мной своим творчеством? Да, скорее так и есть.

Здесь со мной была только жена. Но она была сама историком, так что ей было интересно слушать меня. А сейчас не очень понятно. Я то и дело косил взгляд в сторону Лолы, но из-за капюшона не мог понять, интересно ли ей меня слушать. Не хотелось бы, чтобы она меня слушала только из вежливости. Но в ее ответе про любовь к истории была искренность. Поэтому надеюсь, что ей интересно.

– И что было дальше? – спросила Лола, когда я замолчал.

– А дальше, – усмехнулся я, – это археолог, Виктор Михайлович, вдоволь поиздевавшись над нашими ушами, по-

казал неизвестный мир. Хороший мужик был, очень своим делом увлеченный. Мы просидели с ним до утра, пока слушали рассказы о том, как прошлое влияет на настоящее. Он показал нам находки, которые удалось найти за пару дней. И это было так странно... Когда держишь эти вещи в руках, кажется, как будто прикасаешься к чему-то таинственному. И я почему-то отчетливо представил, кем были эти люди, о чем мечтали, на что надеялись. Утром у бабушки моего одноклассника я узнал, кто в этой деревне может помнить те времена. Как сказал Виктор Михайлович, найденные вещи, скорее всего, относятся к периоду Великой отечественной войны. Останки пока были отправлены на экспертизу, а ни о каких боях в этих местах известно не было. И я нашел трех человек, которые помнили войну. Их рассказы были такими яркими, как будто все происходило вчера, но при этом такими далекими. Как просмотр фильма или прочтение книги, только осознание того, что все это происходило в реальности, никак меня не отпускало. Я каждый день, пока был здесь, приходил к Виктору Михайловичу, интересовался результатами. И даже сам не понял, насколько это меня затянуло, хоть бюрократии в этой работе больше, чем истории. Нужно снять каждый слой почвы, задокументировать результаты... Но это не очень интересно. Не знаю, почему этот археолог терпел вопросы мальчишки, да еще и терпеливо все объяснял, но он мне позвонил, когда были опознаны останки. Не без помощи тех старожилов, с которыми я

разговаривал. Не стану забивать вам голову историческими фактами, но останки были опознаны. И у них остались родственники, их смогли похоронить с должным почтением, написать имена. Некоторые были отправлены в Германию. И ниша в истории была заполнена. Ощущение того, что я приложил к этому руку, вдохновляло.

– Вы историк, – не спросила, а скорее констатировала Лола.

– Вроде того.

– Это очень интересно и... так впечатляюще. Даже если мы больше не увидимся, этот кофе останется незабываемым.

Она теперь повернулась ко мне, так что я мог видеть – она не скучает. Я все-таки не ошибся, привезя ее сюда. И даже поцеловал бы с удовольствием, но... Она не такая барышня, судя по всему, как бы по-идиотски это звучало.

И да, мне этот кофе (она даже не сказала «свидание») тоже запомнится. Все необычное запоминается. А более необычного знакомства и кофе у меня еще не было.

– Поедем обратно? – спросил я.

– Да, мне завтра на работу.

– Мне тоже, причем очень далеко.

Лола села в машину и сбросила капюшон, повернувшись ко мне:

– Спасибо.

– И вам спасибо.

Да уж... Ведем светскую беседу, как будто живем не в два-

дцать первом веке.

Лола уткнулась в телефон, что-то набирая, судя по всему, и смогла отвлечься, только когда я остановился там же, где и в прошлый раз.

Подняла голову и посмотрела на меня:

– Извините, просто после вашей истории у меня родилась идея, вот я поспешила ее реализовать.

Я улыбнулся в ответ. Это радует. А то я уже подумал, что она действительно слушала мою историю, просто потому, что этого требуют некие социальные нормы.

– Прочитайте, – кивнул я на смартфон.

– Я... Такого я раньше никогда не писала, но как-то само родилось. Правда, еще сырое.

Раньше она так не боялась читать стихи. И почему-то еще больше захотел услышать. Положил свою руку на ее ладонь и попросил:

– Пожалуйста.

Она смотрела в телефон, читая это стихотворение, но оно меня тронуло. И почему так не хотела? Дело в тексте или во мне?

У старой деревенской печки двое...

Была холодная и вьюжная зима.

Его дыхание слабело, чуть живое...

Йодом рисовала на груди ему жена.

– Моя родная, – еле слышно он сказал, –
Ей-богу, хватит. Этим не помочь.
Налей стакан воды – в груди пожар.
Я не смогу прожить и ночь.

В её глазах отчаянье и страх...
Неужели сегодня его потеряет?
Еле поднявшись на ватных ногах,
Зубы до хруста сжимает.

– А помнишь ли те фронтовые дороги?
Печалей немало тогда повидали,
Несли от усталости еле мы ноги,
Отставших друзей по ночам вспоминали.

Голос его слабей с каждым словом.
Агония рвет на куски изнутри...
Скоро постель его станет гробом,
Не дождется он новой зари.

– Если бы я хоть минуту... секунду забыла.
Тихонько положила голову на грудь.
Секунда... Десять... И глаза закрыла,
Вполголоса сказав: "Ещё б чуть-чуть".

Ей не хватило и пятидесяти лет с ним рядом,

Так почему сейчас любовь мы ищем в каждом?

ГЛАВА 8

Это было так непривычно. Я с какой-то странной легкостью читала ему свои стихи, которые до этого слышала только Элка. Немного стеснялась, но все равно было легко. И Григорий Александрович слушал с интересом. Ему действительно нравилось.

Если в первую встречу возле ресторана, да даже и в магазине можно было посчитать, как я уже и думала раньше, что это просто оригинальный способ завязать знакомство, то сейчас уже так не считала.

И вот это стихотворение, которое я набросала по дороге, произвело на него впечатление, кажется, даже большее, чем то, которое прочитала в магазине.

– Очень душевно, – сказал наконец Григорий Александрович. – Мне нравятся ваши стихи. И...

Он замолчал, так и не закончив фразу. Хотя я даже затаила дыхание, ожидая, что последуют слова: «И вы мне тоже нравитесь».

Нет... Ну, значит, нет.

– Мне пора, – повернулась я. – Спасибо за кофе.

Григорий Александрович сидел с задумчивым видом, но тут же снова его ладонь, уже который раз за вечер, легла на мою руку.

– Лола, вы... Господи, как банально, – выдохнул он. – В

общем, вы мне свой номер телефона не дадите? Мы могли бы еще как-нибудь выпить кофе.

– Почему бы и нет? – пожалала я в ответ плечами, улыбнувшись, и продиктовала цифры.

Было видно, что ему это все дается непросто. Только причину понять не могла.

– Я уезжаю завтра. Не знаю, когда вернусь, но на связи буду. И вы можете присылать мне свои стихи, – как будто в шутку сказал он.

– А вы мне можете присылать фотографии, потому что я не была нигде, кроме как в этом городе и еще в одном.

Небольшое напряжение, повисшее с его просьбой, развеялось, когда Григорий Александрович протянул мне ладонь и сказал:

– По рукам.

Я ответила на рукопожатие и вышла из машины. Странный мужчина, странное «несвидание», странное наше поведение. Все стандартно происходит по-другому. Но ладно... Может, он и не пытается меня?.. Что? Затащить в постель? Соблазнить? Какие глупые выражения.

Я даже фыркнула, зайдя в подъезд. Наверное, в моей жизни слишком много классической литературы, где на примерах неуверенности и бездействия героев можно судить, почему в их жизни не было такого популярного сейчас «хэппи-энда».

Дома все сидели по своим комнатам. Только Катя появилась в коридоре из ванной с полотенцем на голове. Посмотрела на меня и заметила с какими-то философскими нотками в голосе:

– Странно выглядишь, Лола. На свидании, что ли, была?

Я отрицательно покачала головой. Но хоть я и ставила еще несколько часов назад акцент на «несвидание», но все равно...

Нет, надо подумать, а то бросает из стороны в сторону. А завтра мой так «любимый» педсовет, диктант у седьмого класса, изложение у одиннадцатого. Еще и познакомиться с классами Светловой. В их план я пока не заглядывала. Думаю, с программой восьмых я быстро познакомлюсь, а остальные у нас разделены. Так что там проблем возникнуть не должно.

Переодевшись, я взяла полотенце и пошла в ванную. Как и предполагала, никто ее не занял. В воскресенье вечером уже все к этому времени после ужина и водных процедур просто лежат перед телевизорами. Только через пару часов начнется очередь под названием «почистить зубы».

Вернувшись из ванной, заметила, что сигналил смартфон. Белая точка над экраном периодически подмигивала, и я разблокировала телефон, посмотрев на сообщение.

Незнакомый номер, но отправитель оригинально подписался:

«Спокойной ночи. Хотя вряд ли мне ваши стихи позволят

уснуть. (Не)герой нашего времени».

Я положила телефон обратно на стол, расстелила диван, а потом только написала:

«Спокойной ночи».

Лаконично и просто. Без каких-либо заигрываний. Хотя все время думала, что ответить.

Все очень непривычно. Как будто он действительно герой не нашего времени, а века так позапрошлого.

Я лежала, глядя на экран смартфона, читала какую-то книгу, сюжет которой даже не запомнила, но понимала, что жду нового сообщения. Его не последовало.

Но уже утром увидела:

«Удачного дня. Хотя я даже не знаю, где вы работаете».

«Я педагог. И вам удачного путешествия».

Мне нравились вот такие вот сообщения, нравилась эта атмосфера писем, пусть и электронных.

– Лолка, – когда я одевалась, выглянул из комнаты дядя Коля, – а ты же сегодня в обед вернешься?

– Рассчитываю, что так, – кивнула, уже предвидя его просьбу.

– А ты мне пива не возьмешь по дороге? Машка вернется только к пяти сегодня, так я бы успел чуть-чуть... А до твоего прихода потерплю как-нибудь.

Нет, тетя Маша меня убьет точно. Но все-таки я согласилась. Мы немного поторговались насчет объема и в итоге сошлись на литре.

– Лолка, ты чудо!

Ага, еще бы расцеловал меня, если бы мог дотянуться до лица.

До школы я привычно шла пешком. Погода хорошая, а я даже зимой игнорировала транспорт. И на протяжении всего пути ждала звука сообщения.

Даже выложила телефон на стол, когда зашла в кабинет, хотя раньше всегда держала в сумке. До звонка оставалось минут десять, я готовилась выслушать реферат о вредных привычках писателей, когда в классе, переминаясь с ноги на ногу, появились двое. Орлов и Алексеев. Тут даже не стоит знать о характере их взаимоотношений – сразу можно определить, что находиться рядом для них сложно.

Конечно, Ян, который даже в субботний вечер мне позволил, сразу же взял инициативу в свои руки:

– Лолита Ивановна, как я вам и говорил позавчера, билеты есть... Бронить будем?

– Бронировать или резервировать, – поправила я машинально, хотя к языку подростков пора было уже привыкнуть. – Что скажешь, Герман? – повернулась к Орлову, который молча стоял возле доски, сложив руки на груди.

– Мне не нравится этот театр, – ответил он спокойно.

– Да ты достал, – тихо выдохнул Ян, показал исподтишка кулак.

– Нет, – прервала я, – мы пойдем в театр, когда вы договоритесь. Кстати, а что с приходом родителей в школу?

Они оба сразу сникли, когда я напомнила.

– А мой отец в командировку сегодня уезжает.

– Мой тоже.

Это песня хороша – начинай сначала. Или они мне оба дурят голову, или просто совпадение снова.

– Помните, – сказала я, – вы своей неколлективной работой подставляете весь класс. И может быть, мне родителям стоит позвонить? Но это уже будет совсем другая ситуация. Одно дело, когда вы сами им говорите, другое – звонок классного руководителя.

– Мой отец может успеть, – недовольно сказал Ян.

– Бабушка вас устроит? – спросил Герман.

Звонок. Не стоит им опаздывать.

– Бегом на урок, – кивнула я в сторону двери.

Парни удалились. Я машинально бросила классу: «Присаживайтесь», и задумалась. Что же за такие вечно командировочные родители? Кстати, о командировочных... Телефон молчал.

Неудачно попавшийся вчера курильщик рассказывал о вредных привычках писателей, даже почему-то приплел Шерлока Холмса, который увлекался опиумом, а потом и еще парочку литературных персонажей. Да, видимо, просто скачал из сети все, что нашлось. Я задала несколько вопросов, хотя мне уже понравилось, что он хотя бы запомнил, что скачивал из интернета, а не читал. В итоге дискуссия заняла весь урок. Но все в нее вступали. Не спят – радуется.

– Блин, – сказала девушка за первой партой, – даже на матемшу не хочется. У вас прикольнее.

Я улыбнулась в ответ и ответила:

– Математика тоже нужна.

Педсовет на двадцатиминутной перемене, диктант, изложение... И проверить же я хочу быстрее. Уроки закончились – я выдохнула.

Интересно, мои парни смогли между собой договориться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.